

РЕЛИГИЯ В КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАЗАХОВ

Т.А.Сулейменов Р
ЮКГУ им. М. Ауезова, г.Шымкент

Прошедший 23-24 сентября 2003 года в Астане Международный съезд лидеров мировых и традиционно-национальных религий стал крупнейшим событием в духовной жизни Казахстана - полинациональной и поликонфессиональной страны, расположенной на стыке Азии и Европы.

Известный казахстанский философ А. Нысанбаев дал следующую оценку этому поистине знаменательному форуму: «Сейчас, наверное, многие задаются вопросом: почему международный форум мировых религий проходит именно на казахской земле? Я бы ответил на этот вопрос так: у нас имеются для этого большие культурно-исторические предпосылки. В Казахстане мирно сосуществуют и такие древние религии, как ислам, христианство, буддизм, и народные верования - манихейство, жерсу, умай...

Что касается тенгрианства, то оно по своей значимости для простого народа не уступает исламу» [1].

В этом высказывании можно выделить два важных момента. Во-первых, здесь проводится мысль о том, что на территории Казахстана с древности сложилось мирное сосуществование различных религий, что само по себе способствовало формированию традиции толерантности и позитивного опыта межконфессиональных отношений. При этом подчеркивается, что мировые религии мирно уживались с народными верованиями. Во-вторых, указывается на специфику религиозности казахского народа, который в равной мере придерживается тенгрианства и ислама умеренного толка.

На мой взгляд, истоки такой ментальности казахов следует отнести к специфическому кочевому образу жизни, который вели наши предки на протяжении нескольких тысячелетий.

Действительно, как это показано в литературе по номунологии, кочевой образ жизни накладывает неповторимый отпечаток на все стороны жизнедеятельности людей. В условиях кочевой цивилизации казахов сложилась уникальная духовная ситуация, сущность которой можно определить как полифонизм идей, взглядов, представлений, верований и т.д.

Подобный плюрализм характерен и для религиозных представлений казахов-номадов. В самом общем виде их можно классифицировать следующим образом:

1. Религиозные верования автохтонного характера, примордиально присущие предкам казахов. К ним относятся анимизм, фетишизм, тотемизм, шаманизм, тенгрианство, составлявшие своеобразный стержень духовной культуры казахского народа в бытность его кочевником. Если первые три формы верований носят общечеловеческий характер, то тенгрианство сформировалось под непосредственным влиянием кочевого образа жизни, хотя некоторые авторы придерживаются иных точек зрения. Так, например, о генезисе понятия «тенгри» М.Аджи пишет следующим образом: «Героя индийской мифологии Индру тюрки называли тенгри. Но они вложили в его образ иное содержание! Иначе говоря, они переосмыслили духовные ценности Востока, придали им свое - тюркское!- прочтение. Тогда в обиход алтайцев и вошло понятие, а потом и (небо как состояние бескрайности)» [2].

На мой взгляд, дело обстоит несколько по-другому. Как известно, возникновение ведической философии было обусловлено своеобразным синтезом двух культурных субстратов

– местного, представленного культурой древних оседлых насельников полуострова Индостан и кочевого в лице арийских племен, вторгшихся туда во втором тысячелетии до нашей эры. Как знать, быть может, имя древнеиндийского бога Индра является калькой со слова «тенгри» древних кочевников? В этом контексте А. Кодар пишет, что «...мы можем судить о генезисе учения об ашрамах, которое, видимо, из общеевразийской эпической традиции перекочевало в религиозные доминанты индуизма, где и приобрело свой законченный, «окультуренный» вариант. Здесь мы впервые употребляем термин *общеэвразийская или центральноазиатская эпическая традиция*, ибо, по всей видимости, именно она явилась тем огромным тиглем, из благодатного кипения которого вышли и «Авеста», и «Бхагават-гита», и «Шах-наме» Фирдоуси, и тюркский героический эпос, и поэзия казахских жырау» [3].

2. Религии, привнесенные на территорию Казахстана извне, к которым следует отнести зороастризм, буддизм, манихейство, христианство различного толка /несторианство, арианство, яковитство/, иудаизм, ислам.

Таким образом, на древней казахской земле сложилась уникальная религиозная ситуация, когда бок о бок мирно уживались представители различных конфессий. Другой особенностью религиозных верований древних казахов является их прочная укорененность в народном сознании. Это обстоятельство в свое время было отмечено Ч. Валихановым следующим образом: «Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами /казахами. – Т.С./ еще много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши шаманы во многих местах Степи еще не утратили своего значения. У нас в Степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора» [4]. Констатируя этот факт, автор не говорит о причинах такого мирного сосуществования в народном сознании казахов различных религиозных верований.

С моей точки зрения, истоки подобного религиозного плюрализма необходимо искать в кочевом образе жизни, формирующего особый тип ментальности. Если взять доминирующие до настоящего времени в религиозном сознании казахов тенгрианство и ислам, то их сосуществование можно объяснить следующим образом. Во-первых, ментальность кочевника накладывает свой отпечаток на принятие той или иной религии. «Стратегия *номадизма*, - пишет А. Кодар, - это стратегия очевидности, когда все разъяснено в мифе и ритуале, которые всегда ориентированы на поклонение всему сильному и могучему. Поэтому, когда, допустим, Тоньюкук или Хубилай устраивали при своих дворах диспут с целью узнать, чей бог сильнее, они были искренни в своих намерениях. Хубилай так и говорил, что ему все равно, кому поклоняться: Иисусу, Будде или Мухаммаду, лишь бы сильнейший из них поддержал его. Это не что иное, как язычество, когда боги мировых религий всего лишь часть общей полиатеистической картины мира. Но тем не менее, мы видим здравую критику основных положений этих религий. Так, допустим, для кочевников, Иисус - это не богочеловек, а сын, рожденный земной женщиной. И если монголы превращали мечети в конюшни, то в этом выражался смысл, что бог вездесущ и его невозможно запереть в помещении. Буддизм не устраивал кочевников как учение, парализующее воинский дух. Что касается иудаизма, то он менее всего удовлетворял кочевников, ибо для того, чтобы исповедовать иудаизм, нужно было стать иудеем, т.е. потерять свою этническую принадлежность» [3, с.64].

Во-вторых, путь как феномен, определяющий все реалии кочевой цивилизации, несомненно, оказывает влияние и на духовную сферу жизни людей. В случае с казахами-номадами укорененность тенгрианства в их сознании можно объяснить тем, что в условиях кочевого образа жизни востребован «походный» бог, который бы всегда сопровождал кочевья, был бы доступен в любой точке пространства. Этим требованиям отвечал именно бог Тенгри, ассоциируемый кочевниками с вечно Синим Небом.

Что же касается ислама, то духовной жизни кочевников был более близок в силу своих особенностей суфизм, привнесенный на территорию Казахстана Ходжа Ахметом Яссауи и его учениками. Как представляется мне, традиции суфизма были близки ментальности кочевников. Я имею в виду, что сущностную характеристику суфизма составляет тарикат – путь восхождения к Богу, который в какой-то мере сродствен *номадическому пути*, являющемуся своего рода духовным поиском собственного «Я» в процессе бесконечного перемещения в пространстве. О внутренней духовной сопряженности суфизма и *номадизма* свидетельствуют также лексические заимствования казахским языком таких понятий суфизма,

как «фана» /гибель/, выступающего синонимом смертной жизни, «бака» /вечность/, «тауба» /покаяние/ и т.п. Кроме того, практиковавшееся в суфизме поклонение могилам святых /аулие/ также созвучно вере казахов-номадов в аруахов – духов предков.

Итак, вкратце изложенный материал дает основание сделать вывод о том, что кочевой образ жизни наших предков обусловил на архетипическом уровне религиозную толерантность, плюралистичность религиозных верований, что в условиях многонационального и поликонфессионального Казахстана является непременным условием достижения высокого уровня цивилизационного развития.

Литература

- 1 Казахстанская правда. – 2003. – 23 сентября.-С.5.
- 2 Аджи М. Тенгрианство и основы современной европейской культуры // Культурные контексты Казахстана: история и современность: Материалы Международного семинара, посвященного 100-летию М.О.Ауэзова. – Алматы: Ниса, 1998. – С. 7-25.
- 3 Кодар А. Мировоззрение кочевников в свете Степного Знания // Культурные контексты Казахстана: история и современность: Материалы Международного семинара, посвященного 100-летию М.О. Ауэзова. – Алматы: Ниса, 1998. – С. 56-66.
- 4 Валиханов Ч. О мусульманстве в Степи // Избранные произведения. – М.: Наука, 1987. – С. 293-298.

Қорытынды

Мақалада байырғы казактардың жерінде орын алған наным-сенімдері, ірі діни ілімдері көшпелілер менталитетімен байланыстырып қарастырылады.

Summary

This is an attempt to disclose the peculiarities of religious views in the nomad civilization of Kazakhs.